

Научная статья

УДК 343.01

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015

Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2

НАИЛЬ ТАЛГАТОВИЧ ИДРИСОВ

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Аннотация. Статья является продолжением рассуждений автора о механизме уголовно-правового запрета, его уровнях. Обосновывается наличие двух уровней механизма уголовно-правового запрета: индивидуального и публичного. Тезис о реализации уголовно-правового запрета на двух взаимосвязанных уровнях подтверждается рассуждениями о продуктах уголовного права. Представлена структура алгоритма социального доверия и принуждения через призму уголовно-правового запрета.

Ключевые слова: принципы уголовного права; продукты уголовного права; социальное доверие; принуждение; уголовно-правовой запрет; правопорядок; девиация; гражданство; правосудие; веление.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Идрисов Н. Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2 // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2023. № 1 (21). С. 147–153. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015.

Original article

Levels of the Criminal Prohibition Mechanism. Part 2

NAIL' T. IDRISOV

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Abstract. The author develops his ideas about the criminal prohibition mechanism and its levels in the article. The existence of two levels of the criminal prohibition mechanism, such as individual and public, is proved. The thesis about the implementation of criminal prohibition at two interrelated levels is substantiated by the arguments about criminal law products. The structure of the algorithm of social trust and coercion through the prism of criminal law prohibition is presented.

Key words : principles of criminal law; products of criminal law; social trust; coercion; criminal prohibition; law and order; deviation; citizenship; justice; command.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation : Idrisov N.T. Levels of the criminal prohibition mechanism. Part 2. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 147–153. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015.

Такое сложное и многогранное явление, как уголовно-правовой запрет, занимает центральное место в уголовно-правой реальности. На наш взгляд, действие уголовно-правового запрета осуществляется при помощи механизма запрета, то есть специального инструментария, который обладает необходимым эффектом на индивидуальном уровне, обеспеченном психическими процессами и явлениями, индивидуальными свойствами и установками личности.

Однако там, где внутренние психические процессы и явления, состояния и воля лица (И. Я. Казаченко называет эту сторону «внутренней энергией» [1, с. 60]) не способны обеспечить соблюдение важнейших постулатов, обеспечивающих безопасность существования индивида, общества и государства, такое положение становится основанием воздействия на человека со стороны общества. Соответственно, возникает необходимость реализации механизма уголовно-правового запрета на публичном уровне.

На данном уровне механизм уголовно-правового запрета уже не различает внутренние переживания, психические состояния и волю лица на соблюдение или несоблюдение требований (за исключением тех, которые образуют содержание вины, аффекта и вменяемости или невменяемости).

Уголовный закон, в нормах которого легализуются государственно-властные предписания, образующие уголовно-правовые запреты, предполагает публичный уровень механизма их реализации, универсальность которого обеспечивается, прежде всего, принципом равенства в уголовном праве.

Согласно ст. 4 УК РФ лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Законодатель установил равенство субъектов вне зависимости не только от статичных свойств личности (пол, раса, национальность и др.), но и иных, в том числе динамичных свойств индивида (психоэмоциональные состояния, психические процессы и иные субъективные свойства лица).

При этом следует согласиться с Т. В. Кленовой, которая утверждает, что «процесс назначения наказания не находится под воздействием принципа равенства граждан, он подчинен специфическому принципу уголовного права – индивидуализации уголовной ответственности» [2, с. 67].

Иными словами, принцип равенства означает равное уголовно-правовое воздействие на любого гражданина, что и формирует публичный уровень механизма уголовно-правовых запретов.

В случае если субъективное, сигнальное отражение действительности, образующее психику человека, неспособно обеспечить соблюдение уголовно-правового запрета (индивидуальный уровень механизма уголовно-правового запрета), то этот запрет обеспечивается инструментариями публичного уровня, которые закреплены законодательно и соответствуют всей системе принципов уголовного права.

Публичный уровень механизма уголовно-правового запрета состоит в легализации в уголовном законе государственно-властных велений, обеспеченных принудительной государственной силой. При этом предполагается определенное партнерство государства и гражданского общества.

В доктрине уголовного права представлена идея о продуктах уголовного права, качественное соотношение которых определяют модель действия уголовного права. А. Э. Жалинский выделял три основных продукта уголовного права: социальный контроль, социальное доверие и принуждение [3, с. 624]. «Устанавливая систему запретов, уголовное право укрепляет или – в некоторых ситуациях – не укрепляет правопорядок, предписывая выбор типов, видов, форм поведения и существования институтов, альтернативных принятым образцам», – отмечает исследователь [3, с. 626].

На наш взгляд, система уголовно-правовых запретов как важнейшее содержание уголовно-правовой реальности на публичном уровне воспроизводит данные продукты. Действуя от имени и во благо общества, государство устанавливает систему уголовно-правовых запретов, которая на публичном уровне формирует контролируемую упорядоченность социальных связей и индивидуальных типов поведения. Государство должно стремиться к достижению социального консенсуса в перечне запрещаемых актов поведения, устанавливая правила игры в обществе. При этом в случае социального одобрения системы уголовно-правовых запретов общество осуществляет контроль за поведением субъектов и их групп.

С другой стороны, система уголовно-правовых запретов обеспечивает нормальное социальное общежитие. При адекватной реализации государством задач по социальному контролю и управлению в обществе создается и функционирует здоровая система социальных связей, при которой каждый субъект чувствует защищенность своих законных прав и интересов.

Такое состояние межсубъектных связей повышает качество социального взаимодействия, формируя социальное доверие.

А. Б. Купрейченко и И. В. Мерсиянова определяют социальное доверие как психологическое отношение, которое включает «интерес и уважение к объекту или партнеру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним; эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки партнера; расслабленность и безусловную готовность проявлять по отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию» [4, с. 45].

Система уголовно-правовых запретов, безусловно, призвана продуцировать в обществе доверие, обеспечивая, с одной стороны, защищенность прав

и интересов, с другой – создавая предпосылки для полноценного и эффективного социального взаимодействия.

Разумеется, высказанное выше является идеальной картиной социального мира, сюжет которой демонстрирует не просто гражданское общество, а высокоразвитое, духовное, высококультурное объединение идеальных людей.

Общеизвестна имманентность свойства девиации любому социальному конгломерату. Именно поэтому на публичном уровне механизм уголовно-правовых запретов должен содержать государственное принуждение. Следует отметить, что механизм уголовно-правового запрета содержит принуждение и на индивидуальном уровне, однако имеет иной побудительный оператор, основанный на механизмах психики, воли и сознания – самоограничение (самопринуждение).

Е. А. Куманяева отмечает: «принуждение предполагает существование двух субъектов, один из которых выполняет активную роль (принуждает), а другой пассивную (подвергается принуждению), что отражает как объективные, так и субъективные связи, существующие между ними: с объективной стороны принуждение представляет собой внешнее воздействие на принуждаемого, а с субъективной – оно всегда направлено на достижение определенной, заранее известной цели» [5, с. 86].

Механизм уголовно-правовых запретов на публичном уровне предполагает наличие связи между адресатом запрета и государством, которое вправе применить принуждение при условии, что индивидуальный уровень уголовно-правовых запретов не привел к должному результату и подрывается социальное межсубъектное доверие.

Данная связь обосновывается, в первую очередь, категорией гражданства, то есть социально-правовой связью государства и человека. Именно поэтому считаем уместным использование при регламентации принципа равенства в ст. 4 УК РФ термина «гражданин», поскольку данная связь существует только между государством и его подданным.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства такая связь отсутствует, российская государственность не может предъявлять к данным категориям граждан тот же объем требований и обязанностей, как к российским. При этом, на наш взгляд, обязанность иностранных граждан и лиц без гражданства понести неблагоприятные последствия в связи с совершенным уголовно-правовым деянием является составляющей суверенитета государства, его правом на самостоятельную реализацию своих прав и обязанностей, государственной правосубъектностью вне пределов и внутри страны.

Таким образом, принуждение в отношении российских граждан как составляющая действия механизма уголовно-правовых запретов основано на идее гражданства как незримого отношения государства и его подданных, содержанием которого являются корреспондирующие права и обязанности сторон.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (лиц с иными культурно-историческими, религиозными, политическими и иными корнями),

механизм уголовно-правового запрета использует инструментарий суверенитета государства и реализуется на публичном уровне, поскольку формирование индивидуального уровня механизма уголовно-правового запрета подчинялось совершенно иным условиям (психосоциальным, историческим, культурным, религиозным).

Например, в Саудовской Аравии является уголовно наказуемым вождение автомобиля женщиной, в Дубае внебрачная связь наказывается годом тюремного заключения, в Таиланде законом запрещено наступать на деньги, в Гонконге жене по закону разрешено убить мужа, если она обнаружит, что он ей изменяет. Безусловно, индивидуальный уровень механизма уголовно-правовых запретов российского гражданина и иностранца различается.

При этом индивидуальный и публичный уровни механизма уголовно-правового запрета являются взаимодополняющими, взаимозависимыми и работают как механические шестеренки в коробке переключения передач скоростей в автомобиле. Сначала мы используем первую скорость механизма уголовно-правового запрета, в последующем, при необходимости, включаем второй уровень (публичный).

«Первая скорость» механизма уголовно-правовых запретов иностранных граждан и лиц без гражданства имеет иные показатели и свойства, поэтому не способна к гармоничному взаимодействию со «второй скоростью», государство не может гарантировать наличие первого (индивидуального) уровня у таких лиц, поэтому механизм уголовно-правового запрета в отношении данной категории лиц имеет только публичный уровень.

В данном случае государство не должно и не может обеспечивать их равенство при формировании и реализации механизма уголовно-правовых запретов, поскольку политико-правовая связь и необходимый инструментарий отсутствуют. Более того, например, институт экстрадиции предусмотрен только для иностранных граждан и не применим в отношении российских.

А. А. Гусейнова правильно отмечает: «Правосудие, наказывая преступника, исходит из того, что последний в качестве гражданина является соучредителем законов и тем самым дал согласие быть наказанным в случае их нарушения. Принуждение, в том числе физическое, воспринимается в этих случаях как легитимное, справедливое» [6, с. 18–19].

Гражданин (не иностранный гражданин и не лицо без гражданства) с точки зрения политико-правовой связи участвует в формировании законодательной власти, поэтому является косвенным соавтором уголовно-правовых запретов с учетом своего правосознания и иных личностных критериев.

Таким образом, механизм уголовно-правового запрета имеет два уровня. На первом уровне (индивидуальном) он предполагает функционирование личностных установок субъекта, которые являются результатом культурных, исторических, психоэмоциональных свойств личности, формируют его правосознание и не позволяют совершать деяния, запрещенные в обществе. Структура механизма уголовно-правового запрета на данном уровне состоит в следующем алгоритме: личное правосознание – самоограничение (самопринуждение) – законопослушное поведение.

На публичном уровне механизм уголовно-правового запрета, формируясь на принципах уголовного права, обеспечивает достижение задач уголовного права и производит продукт уголовного права – формирует социальный контроль, обеспечивает социальное доверие и при необходимости позволяет государству осуществить легитимное и справедливое принуждение.

Структура механизма уголовно-правового запрета на публичном уровне предусматривает алгоритм: государственное веление – государственное принуждение – законопослушное поведение.

В случае если законопослушное поведение не достигается механизмом индивидуального уровня, то уголовно-правовой запрет функционирует на публичном уровне, предполагая государственное легитимное насилие.

Оба уровня механизма уголовно-правового запрета являются гармоничными, дополняющими и не взаимоисключающими друг друга.

Представляется, что соотнесение индивидуального и публичного уровней механизма уголовно-правовых запретов есть путь к наиболее качественному социальному общежитию, в котором заинтересованы и отдельные индивиды, и общество, и государство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казаченко И. Я. Уголовно-правовая антропология человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 58–69.
2. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2001. 387 с.
3. Жалинский А. Э. Модели уголовного права: социальный контроль, доверие, принуждение // Право и политика. 2012. № 4 (148). С. 624–629.
4. Доверие и недоверие в условиях гражданского общества : моногр. / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М., 2013. 261 с.
5. Куманяева Е. А. Принуждение в уголовном праве // LexRussica (научные труды МГЮА). 2012. № 1. С. 86–91.
6. Гусейнов А. А. Возможно ли моральное обоснование насилия // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19–27.

REFERENCES

1. Kazachenko I.Ya. Criminal-legal anthropology of man. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2008, no. 2 (5), pp. 58–69. (In Russ.).
2. Klenova T.V. *Osnovy teorii kodifikatsii ugovovno-pravovykh norm: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Samara, 2001. 387 p.
3. Zhalinskii A.E. Models of criminal law: social control, trust, coercion. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2012, no. 4 (148), pp. 624–629. (In Russ.).
4. *Doverie i nedoverie v usloviyakh grazhdanskogo obshchestva: monogr.* [Trust and distrust in the conditions of civil society: monograph]. Ed. by Kupreichenko A.B., Mersiyanova I.V. Moscow, 2013. 261 p.
5. Kumanyaeva E.A. Coercion in criminal law. *LexRussica = Russian Law*, 2012, no. 1, pp. 86–91. (In Russ.).
6. Guseinov A.A. Is moral justification of violence possible? *Voprosy filosofii = Philosophical Issues*, 2004, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАИЛЬ ТАЛГАТОВИЧ ИДРИСОВ – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

NAIL' T. IDRISOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, Russia, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Статья поступила 11.08.2022

